

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
У97

Серия «Психологический триллер»

Ruth Ware

THE DEATH OF MRS WESTAWAY

*First published as THE DEATH OF MRS WESTAWAY
by Harvill Secker, an imprint of Vintage.*

Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

Перевод с английского *Е. Шукшиной*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Penguin Random House group of companies
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Уэйр, Рут.

У97 Смерть миссис Вестуэй : [роман] / Рут Уэйр ; [пер.
с англ. Е. Шукшиной]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 448 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-111433-6

Юная Хэл Вестуэй едва сводит концы с концами, а потому письмо с сообщением, что умершая бабушка оставила ей огромное наследство — деньги и имение в Корнуолле, — кажется подарком судьбы.

Правда, никакой бабушки из Корнуолла у Хэл никогда не было... Но ее это мало волнует: наследство — единственная надежда начать новую жизнь, и Хэл готова на все, чтобы его получить. Даже выдать себя за другого человека.

Однако Хэл не подозревает, что сделала очень опасный выбор. Ведь за закрытыми дверями старинного мрачного дома, хранящего множество тайн, ее подстерегает смертельная опасность...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111433-6

© Ruth Ware, 2018
© Перевод. Е. Шукшина, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Издательство благодарит Элисон Борроумен
за помощь при подготовке книги к изданию.*

Маме. Всегда

Читателям:

Действие романа «Смерть миссис Вестуэй» происходит в современном Брайтоне, однако знакомый с городом читатель заметит несоответствие. Здесь еще стоит Западный пирс. Надеюсь, брайтонцы порадуются возрождению излюбленной городской приметы, пусть лишь вымышленному.

Прилетела к нам сорока.
Значит, будем танцевать.
Две сороки прилетели –
Будем горе горевать.
Если три, родится мальчик.
А четыре — будет дочь.
Пять сорок — уснешь голодным.
Шесть — получишь медный грош.
Ну а семь — узнаешь тайну,
Что несли из рода в род.

29 ноября 1994 года

Опять сороки. Странно, как же я их ненавидела, когда попала сюда. Помню, ехала с вокзала на такси и увидела с аллеи: выстроились рядком в парке, вот как сейчас, и знай себе чистили перышки.

Сегодня две уселись на покрытую бахромой инея ветку тиса, и я вспомнила, как в детстве мама, чтобы не накликать беду, тихонько шептала в таких случаях: *Добрый день, сударыни.*

Одеваясь у окна, я считала сорок. Две — плохо, дурное предзнаменование, я содрогнулась. Но нет, на обледеневшем газоне еще. Четыре, пять... шесть... и еще одна прыгает по плитам террасы, склевывая лед, намерзший на столе и стульях. Значит, семь.

*Ну а семь — узнаешь тайну,
Что несли из рода в род.*

*Тайна-то тайна, но несли из рода в род — вряд ли.
Придется открыться, и довольно скоро. Выбора нет.*

Я почти оделась, когда в кустах рододендрона слышался шорох листьев. Какое-то время трудно было понять, что это, но затем в проломе ветвей появилась лисица. Она неторопливо пересекла усыпанный опавшими листьями газон, и рыжее золото пугающе ярко загорелось на фоне оцепеневших от мороза зимних красок.

В родительском доме лисы на дворе были обычным явлением, но они редко выходили днем, тем более так нагло, как эта: рассекает по просторному газону прямо перед домом. Мне приходилось видеть разодранных кроликов, раскуроченные мешки с мусором, оставши-

еся после лисьей охоты, но подобного хамства я еще не встречала. Наверно, она либо очень смелая, либо в безвыходном положении, коли на глазах у всех шарашит по газону. Присмотревшись к лисице, я решила, что скорее второе: совсем молодая и страшно тощая.

Сначала сороки ее не заметили, но потом та, что прыгала по террасе и, по-видимому, была внимательнее остальных, увидела подкрадывающегося хищника и ракетой взмыла с обледеневшей террасы, громко, отчетливо просигналив тревогу, нарушившую утреннюю тишину. Теперь у лисицы не было ни единого шанса. Остальные птицы по очереди взлетели в воздух, кроме двух на ветке тиса — на безопасном расстоянии от лисы, и та струей расплавленного золота, пригнувшись к земле, рванула по газону обратно, оставив в покое этих двух сорок, которые принялись громко стрекотать, отмечая свою победу.

Две.

Две сороки прилетели —
Будем горе горевать.

Не будет этого. Я ни за что, никогда не буду опять горевать никакое горе, несмотря ни на что, несмотря на бурю, которая, знаю, приближается. Сейчас сижу в гостиной, пишу эти строки и слышу ее — свою тайну: она опалает меня изнутри такой пылкой радостью, что кажется, иногда должно просвечивать сквозь кожу.

Я перепису стишок. Две сороки — к радости.
К любви. К будущему.

Глава 1

Девушка не столько шла, сколько сопротивлялась ветру, крепко зажав в руке промокший пакет с фиш-энд-чипс, хотя шквальный ветер вырывал его, пытаясь разодрать и разметать содержимое по морскому берегу к вящей радости чаек.

Переходя через дорогу, девушка стиснула в кармане мятую записку и обернулась на длинный темный тротуар — нет ли кого позади. Но никого не было. Во всяком случае, ничего такого, никаких призрачных фигур она не увидела.

Берег редко бывал столь пустынным. Из открытых чуть не всю ночь баров и клубов на приморскую гальку до самого рассвета сыпались местные и приезжие гуляки. Но в этот промозглый вторник даже самые закаленные не решились выйти на улицу, и сейчас, без пяти десять, набережная была в полном распоряжении Хэл. Единственным признаком жизни на пирсе служили мерцающие огни, если не считать чаек, которые с криком кружились над темными, беспокойными водами Ла-Манша.

Коротко стриженные черные волосы налипли на лоб, очки запотели, а губы потрескались от соли, на которую богат морской ветер. Но Хэл лишь покрепче зажала пакет под мышкой и свернула с набережной на узкую улицу с высокими белыми домами, где ветер вдруг так внезапно прекратился, что она пошатнулась и чуть не споткнулась. Когда она

еще раз повернула к Живописным виллам, дождь, казалось, зарядил даже еще сильнее, хоть ветра больше не было.

Название квартала сильно грешило против правды. Не было тут никаких вилл, лишь обычные, довольно запущенные дома с облупленной от вечно соленого воздуха краской. И живописного ничего — ни тебе вида на море, вообще ни на что. Может, когда-то, когда дома только поставили, отсюда и было видно море. Но с тех пор ближе к морю выросли дома повыше, и какой бы вид ни открывался раньше из окон Живописных вилл, теперь их жильцам приходилось довольствоваться зрелищем кирпичных стен и шиферных крыш, даже Хэл в ее мансардной квартире. Единственное преимущество жизни на самом верху четырехэтажного дома с узкой, шаткой лестницей заключалось в том, что над головой не топали соседи.

Хотя сегодня, похоже, даже соседей не было, причем уже довольно давно, если судить по тому, что из-за завалов рекламных проспектов, скопившихся на полу в подъезде, дверь отказывалась открываться. Пришлось навалиться на нее, наконец та подалась, и Хэл, нырнув из мрака улицы в темноту подъезда, принялась шарить выключатель. Щелчок не дал желаемого результата. То ли предохранитель полетел, то ли лампочка перегорела.

В тусклом, просачивающемся с улицы свете она выбрала из вороха бумаг корреспонденцию, адресованную ей, и начала карабкаться наверх.

На лестнице не было ни одного окна, и после первого же марша стало темно хоть глаз выколи. Но Хэл знала свою лестницу наизусть — от проломленной доски на площадке до отошедшего ков-

рового покрытия на самом верху — и устало поднималась, мечтая лишь об ужине и постели. Хотя есть уже не очень хотелось. Однако фиш-энд-чип стоили пять с половиной фунтов, а судя по количеству счетов, которые она отобрала из груды почты, это были те самые пять с половиной фунтов, которые она не могла позволить себе отправить в мусорное ведро.

Наверху она вжала голову в плечи, пытаясь уберечь голую шею от капель, падавших с потолочного окна, открыла дверь и наконец очутилась дома.

Квартирка была маленькая — одна-единственная комната за просторной прихожей, служившей и кухней, и гостиной, и всем прочим. Она тоже была довольно запущена, краска так же отслаивалась, ковер протерся, а деревянные окна, когда ветер дул с моря, кряхтели и дребезжали. Но это был ее дом, всю ее двадцатиоднолетнюю жизнь, и как бы она ни устала, ни продрогла, когда переступала порог, сердце всякий раз подпрыгивало — слегка.

В дверях Хэл остановилась, чтобы протереть о коленку, обтянутую потрепанными джинсами, очки с налипшими солеными брызгами, и кинула пакет с едой на кофейный столик.

Было очень холодно. Дрожа, она опустилась на колени перед газовым обогревателем и стала щелкать кнопкой, пока наконец не зажегся огонь. Мало-помалу тепло вернулось в огрубевшие, покрасневшие руки, и Хэл развернула мокрый от дождя бумажный пакет, вдохнув резкий запах уксуса, наполнивший небольшое помещение.

Подцепив деревянной вилкой обмяклый брусочек теплой картошки, она принялась сортировать

почту. В одну стопку шла макулатура, в другую — счета. Картошка была соленой, пряной, обтрепанная рыба еще горячее, но по мере того как росла стопка счетов, в животе усиливалось неприятное ощущение. Ее беспокоила не столько высота стопки, сколько количество счетов, помеченных меткой *Последнее предупреждение*, и, почувствовав тошноту, она отодвинула рыбу.

Нужно платить за квартиру — естественно. Электричество тоже на одном из первых мест. Без холодильника и освещения квартира для жилья непригодна. Газ... Ладно, сейчас ноябрь. Без отопления не очень уютно, но выжить можно.

Однако послание, от которого ее в самом деле чуть не стошнило, отличалось от коммунальных счетов. На дешевом конверте, судя по всему, брошенном прямо в почтовый ящик, шариковой ручкой было написано лишь: *Хэрриет Вестуэй, верхняя квартира*.

Адреса отправителя не было, но он и не требовался. У нее появилась ужасная догадка, от кого письмо.

Хэл проглотила картошку, которая едва не застряла в горле, и сунула самый неприятный конверт под стопку счетов, поддавшись непреодолимому желанию спрятать голову в песок. Больше всего ей хотелось сейчас перевалить проблемы на кого-нибудь, кто старше, мудрее, сильнее.

Таких людей у нее не было. Не осталось. Однако и в самой Хэл таились скрытая сила и упорство. Может, она и маленькая, тощая и бледная и такая еще молодая — но далеко не ребенок, за которого ее по привычке принимают. Она повзрослела три года назад.

И эта сила заставила ее опять вытащить конверт и, кусая губы, вскрыть его.

Внутри обнаружился всего один лист бумаги, на котором было напечатано несколько фраз:

Жаль, что не застали Вас дома. Мы хотели обсудить Ваше финансовое положение. Позвоним.

В животе у Хэл екнуло, и она нашарила в кармане бумажку, которую нашла у себя на работе после обеда. Письма были идентичны, не считая помятостей и пятен от чая, которые она посадила на первое письмо, когда открыла.

Содержание их не было для Хэл новостью. Уже несколько месяцев она старалась без особой нужды не подходить к телефону и не отвечала на СМС, связанные с ее *финансовым положением*.

Трясущимися руками она аккуратно положила письма друг подле друга на кофейный столик, содрогаясь при мысли о том, что они означают.

Хэл привыкла читать между строк, догадываясь о важности того, о чем люди не говорили, впрочем, и того, о чем они говорили. В некотором роде это была ее работа. Но о смысле не сказанных здесь слов гадать не приходилось.

Ей говорили: *Мы знаем, где ты работаешь. Мы знаем, где ты живешь. И мы еще придем.*

Остальное отправлялось в макулатуру, и Хэл затолкала бумаги в корзину. Устало опустившись на диван, она закрыла лицо руками, стараясь не думать о печальном состоянии банковского счета. Она слышала голос мамы. Та будто стояла у нее за спиной и читала нотацию про подготовку к экзаменам на получение аттестата. *Хэл, я понимаю,*